

Кадр первый.**Фирменное блюдо**

Совсем ещё юная девушка в кожаном фартуке колдует возле большой духовки, прибавляет убавляет температуру, пытается загнать внутри, но останавливает своё нетерпение, понимая, что выпекаемое блюдо может не получиться, если открыть дверцу в таинственное, потрескивающее брюхо, дав ему проглотить лишнюю в этом процессе порцию воздуха.

— Ещё минуты две и можно вытаскивать, — напряжённо высчитывает Даша.

— А почему духовка такая странная, где газовые горелки? И вообще, где в этой кухне тарелки или, на худой конец, чашки? — недоумеваю я, ощущая странный диссонанс между обстановкой комнаты, скорее, похожей на мастерскую, и происходящим в ней действием.

— Пе-ечка! — с наслаждением растягивая гласные, выдает собеседница и, хитро прищурившись, добавляет: — Подождите ещё чуть-чуть. Всё поймете.

— Впервые вижу, чтобы кто-либо в наше время хотел, чтобы его чадо стало домохозяйкой.

— Кем-кем? Домохозяйкой? — девушка заливаясь смехом и краснеет, — Вы с ума сошли! Сейчас я вам представлю свою выпечку, и тогда вы увидите, какая из меня кухарка.

Даша поворачивает тумблер и, водрузив на изящные руки такие же огромные, как и её фартук, рукавицы, извлекает из пышущего жаром кухонного жерла нечто совершенно бесплодное, изумительно красивое, переливающееся извивами красок в искривленном теле и хамелеоном преломляющееся в лучах заглянувшего в зимнее окно солнца.

— Что это? — более умного вопроса придумать не удаётся. Наблюдая моё изумление и попутно разглядывая выпечку, она вновь удовлетворённо пошмыгивает:

— А это и есть моё фирменное блюдо на ближайших два-двадцать лет. Называется «Декор панно». Рецепт изготовления довольно простой, но пришлось специально съездить в Москву на пару месяцев — попрактиковаться. У нас в Орле, да и во всей России, к сожалению, его никто ещё готовить не умеет. Я — первая, — с гордостью заявляет Даша.

— Так ведь это несъедобно! Это же стекло! — наконец-то осознаю, что это был розыгрыш, меня рвёт плохо сдерживаемое возмущение и неудовлетворённый голод — попробовать на зуб сие изделие нетрадиционной кухни явно не получится.

— Конечно, стекло, — успокаивает девушка, — Только особое, фьюзинговое. Вначале оно формируется по заранее сделанному эскизу, а затем, как вы видели, плавится и спекается. Получается очень пластичное изделие, которое можно вписать в любой интерьер, статичный или, наоборот, динамичный. Мне нравится последний путь. Больше фантазии, свободы творчества: леплю-сплетаю, светоотражаю, — как заправский ремесленник резюмирует Даша, вставляя своё изделие в декоративный протенок. И происходит чудо — ранее тёмный угловатый извив комнаты оживает, начинает плыть в переливах оранжевого, красного

и вплетающихся в них нитях зелёного, смягчающих эту непрозрачную кашку света.

— А родители знают, какую домохозяйку они вырастили? — уточняю я.

— Да, без их поддержки не было бы ни «блюда», ни защиты проекта по этой теме. Вернее, пришлось бы выбрать другой, менее затратный предмет. Но они решили рискнуть — инвестировали в меня кругленькую сумму.

— Кредит погасит своими работами удасться?

— Именно ими буду расплачиваться! Мои стекла готовы

— что прячется за словом «среда»?

— Одно из направлений создания интерьеров. Вы уже видели работы Дарии Донской. Она как раз творит с помощью стекла один из таких элементов среды. Неважно, домашней, офисной или производственной. Главное, создаёт совершенно иное пространство, радостное, просветлённое. И как мне кажется, в этой игре оттенков, цветов есть немного нашей, преподавательской заслуги: ведь каждый привносит в работы дух факультета, свои ощущения, видение, которое

ставителей других творческих профессий: любой одарённый человек должен получать справедливого вознаграждение за результаты работы. А ведь не секрет, что выпускникам вузов сегодня предлагают начальную зарплату в 6-8 тысяч рублей, что, согласитесь, выглядит, по меньшей мере, поданнее, а в действительности унижает и откровенно оскорбляет, заставляя людей уже не творить, не создавать что-то новое, а рутинно ходить на службу.

— Но, возможно, есть другой выход, кроме бегства?

— Конечно! Спасителями

стиле нашей кафедры, — подсказывает девушка сзади.

— Наверное, много смелости требуется для того, чтобы отличать свой собственный, отличный от существующего логотипного представления университета, стиль, — пытаюсь высказаться я. Но меня обрывают:

— Нет, мы все здесь такие... Свободные.

Далее слова девушки подтверждаются: на подиум вытекают в шуршащих платьях странно знакомые образы и замирают на авансцене. Вет от их приглушённой саргости почему-то отнюдь не смешанностью, а каким-то смешанным образом французской революции. И вновь сзади звучит подсказка:

— Коллекция женской одежды Ани Копыловой. Она создала её по мотивам романов Виктора Гюго. Правда, очень похоже?

— И много у вас таких революционерок?

— Все поголовно. Ведь создание чего-то нового — всегда слом старых понятий, представлений. И дизайнер вовсе не модный, гламурный портной, как многие полагают. Он, в сущности, погромащик традиций, и одновременно творец новой, и внешне, и внутренне прекрасной жизни. Разве вы не чувствуете этой силы?! Дождитесь моей коллекции...

Через несколько минут в зал вливается целая ватага молодых людей, будто сошедшая только что с трапа пиратского брига. А девушка, уверенно стоящая в их окружении, как-то, продолжая прерванный разговор, обращается через головы ко мне:

— В своей работе я использовала элементы военного немецкого мундира, чтобы подчеркнуть контраст между формой, часто сдерживающей, ограничивающей человека в его поступках, и действительной сущностью личности, которая может и использовать обстоятельства, в данном случае, костюм, ради своей цели. Да, здесь продемонстрирован крайний протест. Но, оказывается, даже через внешние символы можно если не преобразовать мир, то хотя бы подтолкнуть людей к переменам.

— А как зовут эту девушку? — интересуюсь я у соседа, только что бывшего живой моделью.

— Настя Якоб, — отвечает восхищённо корсар.

И тут меня наконец-то сносит цунами постижения происходящего. Переодетый в вуз не студенты, не выпускники, а образцы ошеломляющего, дерзкого, наглого и целеустремлённого якобинства, преобразованного в творчество этих совсем ещё юных девушек и парней. Приходит осознание того, что здесь, на дизайнерском факультете не готовят специалистов — будущих модельеров и проектировщиков фасадов и интерьеров. Нет, здесь создают людей, выпекуют их при жуткой температуре внутреннего накала, учат кроить и шить себя, свой мир ради одной только цели — быть свободными, яркими, молодыми и одновременно пытаться помочь другим выплыть из оболочки повседневной замкнутости и уныния. Ведь для это нужно совсем немного, чуть-чуть: научиться видеть красоту, понимать и принимать её.

Кадр третий.**Апофеоз якобинства**

Небольшой зал в мягком свете. Расположенные амфитеатром места сидящих членов аттестационного ареопага. Сзади них — студенты, фотографы, общество. На переднем плане — стэнд с разноцветными, в тёпрых тонах эскизами каких-то символов, которые в фокусе превращаются в стилизованные буквы, складывающиеся в вертикальные и горизонтальные надписи «Дизайн».

— Это Лилия Федина. Дипломная работа о фирменном

покупать уже сегодня и много. Почему? Наверное, люди устали от цветовой однообразия жизни. Нужен такой вот внешний стимул, чтобы заставить себя жить, творить, работать и над собой, и над окружающим пространством. Я заметила, что и сама становлюсь другой. Какой? Ещё не разобралась до конца.

Кадр второй.**Установочный план**

Один из корпусов ОрёлГУ. Кабинет, увешанный необычными работами то ли художников-абстракционистов, то ли альтернативных скульпторов-аппликаторов. И посреди хаоса — элегантная женщина. Даша представляет:

— Наш главный учитель — Елена Николаевна Кашеничкова, заведующая кафедрой «Дизайн», доктор педагогических наук, профессор. Жаль, нам уже сегодня придётся расставаться, пять с половиной лет очень быстро пронеслись.

— Да, младшим курсам повезло больше: они будут учиться уже шесть лет, — добавляет, — кстати, своим главным званием считаю членство в международную ассоциацию союза дизайнеров, что позволяет повысить и статус вуза, и нашей кафедры, и подчёркивает лишний раз уровень выпускников.

— И какую профессию они получают на вашем факультете?

— Мы готовим специалистов по двум специализациям: дизайн одежды и дизайн среды.

— С первой понятна. А вто-

создаётся и обстановкой, и нами.

— Обстановкой?

— Да, зайдите в любой кабинет и вы не найдёте там как-то привычных пособий, столов — обычного антуража учебной аудитории. Напротив, внутри всё несколько смешано и даже абсурдно. Напоминает какой-то фантастический клуб, где тарелки-кружки стоят на мольбертах, диван приютился рядом с партой. Как бы неприглядно выглядел этот беспорядок, но это и есть квинтэссенция творчества, его необходимый антураж: фантазии в строго очерченных границах поведения и восприятия. Поэтому мы такой разроз только благословляем. И получаем плоды.

— ???

— Сегодня — юбилейная заплата. И то, что кафедра дизайнера прожила уже десять лет, именно прожизила, а не просуществовала — заслуга, прежде всего, наших выпускников, которые не просто востребованы, а расхватываются ещё на этапе практики. Правда, многих талантливых дизайнеров, примерно 30% от выпуска, лишается в последние годы Орёл и область. Слишком низкие зарплаты здесь влекут выпускников в другие города, в основном, в Москву и Петербург, что естественно и правильно. Воспитанные в атмосфере свободы, внутренней раскрепощённости ребята таким молчаливым способом «непротивления» не позволяют принижать себя, обезценивать свои способности и свой труд. И это неплохой пример для пред-